

Индиаминова Шоира Амриддиновна

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БУДДИЗМА В СОГДЕ

В статье обобщаются сведения письменных источников и накопленные в последние годы археологические материалы по распространению буддизма в Согде. Привлекаются и анализируются данные китайских источников, настенной живописи, мелкой пластики, найденных на территории Бухарского, Самаркандского и Южного Согда. Активно используются статьи и монографические исследования, связанные с данной проблемой, в том числе изданные в последнее время. На основе имеющихся археологических и письменных источников и остатков материальной культуры делается вывод, что имеющихся материалов недостаточно для того, чтобы судить о степени распространения буддизма в Согде.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/8/27.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (75). С. 84-87. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Жесты и мимика, являясь неотъемлемой частью коммуникации, часто произвольны и вскрывают настроение и отношение говорящего к предмету речи или собеседнику. Но они также могут быть и искусственными, призванными, напротив, скрыть истинное положение вещей.

Список литературы

1. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 36-47.
2. **Горелов И. Н.** Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980. 104 с.
3. **Дементьев А. В.** Способы и средства вербального отражения кинесики: на материале современного английского языка. М., 1985.
4. **Зуева Е. А.** Вербализация паралингвистических актов в художественном тексте современной немецкой литературы: дисс. ... к. филол. н. Белгород, 2005. 162 с.
5. **Зуева Е. А.** Исследование особенностей реализации эмоциональных состояний человека как компонент межкультурной компетенции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3. С. 67-69.
6. **Зуева Е. А.** Стереотипные модели вербализации актов поведенческой коммуникации в художественных текстах современной немецкой литературы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. № 4. С. 136-139.
7. **Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В.** Жест в разговорной речи // Русская разговорная речь / под ред. Е. А. Земской. М.: Русский язык, 1973. С. 468-481.
8. **Колшанский Г. В.** Паралингвистика. М.: Наука, 1974. 84 с.
9. **Крейдлин Г. Е.** Семантические типы жестов // Лики языка. М., 1998. С. 174-185.
10. **Леонтьев А. А.** Психология общения. М.: Смысл, 1999. 365 с.
11. **Мудрая О. В.** Функции невербальных компонентов в системе языка (на материале сравнения русского языка с английским): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1995. 16 с.
12. **Перкова А. А., Блажевич Ю. С.** Фигуры речевого этикета на примере приветствия (на материале немецкого и русского языков) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 24 (143). С. 97-104.
13. **Пирс Ч. С.** Логика как семиотика: теория знаков // Метафизические исследования. СПб.: Алетейя, 1999. Вып. 11. Язык. С. 199-217.
14. **Пирс Ч. С.** Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88-95.
15. **Русина Е. А.** Сравнительный анализ параязыковых явлений в русских и английских художественных текстах (на материале романов И. Гончарова «Обрыв» и Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»): дисс. ... к. филол. н. Курск, 2002. 215 с.
16. **Языкознание:** большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.

УДК 294.3:94

Исторические науки и археология

В статье обобщаются сведения письменных источников и накопленные в последние годы археологические материалы по распространению буддизма в Согде. Привлекаются и анализируются данные китайских источников, настенной живописи, мелкой пластики, найденных на территории Бухарского, Самаркандского и Южного Согда. Активно используются статьи и монографические исследования, связанные с данной проблемой, в том числе изданные в последнее время. На основе имеющихся археологических и письменных источников и остатков материальной культуры делается вывод, что имеющихся материалов недостаточно для того, чтобы судить о степени распространения буддизма в Согде.

Ключевые слова и фразы: Согд; согдийцы; буддизм; Будда; Китай; Индия; согдийские проповедники; согдийская иконография; мелкая пластика.

Индиаминова Шоира Амридиновна

*Самаркандский государственный университет, Узбекистан
uzdilmurod@yahoo.com*

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БУДДИЗМА В СОГДЕ[©]

Культура к северу от Окса-Амударьи всегда вызывала и вызывает особый интерес. Она породила огромное количество идей и предположений. Все это было вызвано противоречивыми сведениями письменных источников античных авторов, которые больше всего известны по более поздним интерполяциям. Античную культуру для Согда и других регионов лучше назвать эллинизированной. В римское время буддизм начинает постепенно распространяться в Средней Азии. Распространение буддизма значительно усиливается с образованием Кушанского государства, правители которого благоволили к этой религии. В первых веках

н.э., когда начал проявляться кризис античной (языческой) идеологии [7, с. 44-45], буддизм получает широкое распространение по всей Средней Азии, включая Согд.

Безусловно, буддизм – религия, имеющая мировое значение, – не мог обойти Согд, где находился крупнейший в Центральной Азии экономический и культурный центр – город Самарканд.

Об этом свидетельствуют письменные, лингвистические и топонимические источники. Среди ранних проповедников буддизма в Китае (II в. н.э.) в Лояне упоминаются двое согдийцев – Кан Мэн-сян и Кан дзюй. Позднее называются имена и других проповедников-согдийцев. Так называемые переводчики из Согда и согдийцы, родившиеся вне Согда, продолжают свою миссию и в последующие века, переводя индийские сочинения на китайский язык [19, с. 21-22]. Безусловно, они переводили их и на свой родной язык – согдийский. Неслучайно в хрониках Суй-шу и Вей-шу указывается, что жители Согда исповедуют буддизм.

Согласно письменным источникам и археологическим данным, согдийцы сыграли значительную роль в распространении буддийского учения в Средней и Центральной Азии. Однако с приходом эфталитов буддизм значительно утрачивает свои позиции, будучи оттеснен другими верованиями, в том числе и манихейством [5, с. 39].

Наиболее широкое распространение буддизм в Средней Азии, в том числе и в Согде, получил, начиная с первых веков н.э. и по V в. включительно. Но уже в первой половине VII в. буддизм в Согде занимал достаточно скромное место по сравнению с Тохаристаном. В начале VIII в. в Самарканде находился всего один монастырь, который обслуживал один монах [4, с. 123]. Это подтверждается и мугскими документами, в которых есть упоминание о буддийском монахе. Анализируя этот отрывок, приходим к выводу, что в Самаркандском Согде в это время буддизм не играл заметной роли. Тем не менее, в период арабского завоевания буддисты продолжали играть определенную роль и среди местного населения и высокопоставленных лиц могли иметь некоторое влияние. Об этом свидетельствуют нумизматические данные. Так, на некоторых монетах встречаются имена с явно буддийской этимологией. Еще больше буддийское влияние прослеживается на монетах соседней Уструшаны, где не только имена царей (афшинов), но и отдельные черты иконографии явно заимствованы из Индии [20, с. 32-33].

Следы присутствия буддизма в Согде сохранялись и гораздо позже. В. В. Бартольд считал, что название селения и сельского округа Санджарфаган, расположенного к юго-востоку от Самарканда, связано с названием буддийского монастыря – сангхарамы. Он также связывает Наубехарские ворота Бухары и Самарканда с вихарой [3, с. 215-216].

Что касается материальных следов присутствия буддизма в Согде, то их имеется не так уж много, и о многих из них можно говорить лишь с оговорками.

Наиболее интересной находкой является мраморная голова от статуи Будды, найденная в селении Тайляк близ Самарканда. К сожалению, датировка ее не определена, но сам факт такой находки весьма показателен.

На границе Согда и Уструшаны изучалось здание, которое было интерпретировано как буддийское святилище [1, с. 57-60]. Находки явно из буддийского пантеона были обнаружены местными жителями, по словам которых среди них имелись крупные бронзовые статуи Будды и бронзовые фигуры львов (утрачены). По сохранившимся бронзовому зеркалу и фигурке льва святилище было отнесено к I-II вв. н.э. Предложение Л. И. Албаума было поддержано и другими учеными. Если это так, то это пока единственное буддийское культовое сооружение на территории Восточного Мавераннахра, не считая Фергану, где, как известно, был раскопан буддийский храм на городище Кува.

Начиная с V-VI вв., как показывают увеличивающиеся по мере раскопок открытия, согдийцы интенсивно разрабатывают собственную культовую иконографию. При этом они активно используют различные традиции, обычно сильно видоизменяя их, приспособляя к своим «нуждам» [11, с. 237]. Особенно ярко это проявилось в отношении к индийскому пантеону.

На некоторых согдийских оссуариях среди различных изображений встречаются фигурки со скрещенными на груди руками, при этом отмечаются как мужские, так и женские персонажи. Они давно уже привлекают внимание исследователей, которые толкуют их по-разному: одни считают, что это сцена оплакивания [24, р. 180-181], другие в них видят фравашей или духов-охранителей, а саму позу со скрещенными руками считают позой почтения, «чем-то вроде ритуального знака молитвы» [18, с. 95]. Однако все согласны, что это – божества из согдийского пантеона, с чем нельзя не согласиться. Но обратимся к индийским (буддийским) параллелям.

В индийской иконографии со сложенными крест-накрест руками (положение хункара) изображалось божество Ваджрахункара. Известна бронзовая фигурка этого божества, отнесенная к VIII в. Один из персонажей рельефа южной стены храма Вишну Дасаватора (V-VI вв.) в Деогархе изображен со скрещенными руками [22, с. 218-219]. Справа от входа в храм Гал-Вихара находится статуя Будды, погруженного в нирвану (XII в.). У изголовья стоит фигура Ананды, любимого ученика Будды, изображенная в позе «почтения», со скрещенными на груди руками и опущенными глазами [8, с. 256-257]. Важно отметить, что иногда и сам Будда изображался со скрещенными руками, в так называемой «позе размышления».

Мы далеки от мысли, что поза «хункара» была заимствована из индийской иконографии, а впоследствии переосмыслена на местный лад в позу «почтения». Однако учитывая, что в буддизме она появилась гораздо раньше, это совсем не исключено, как, например, в случае с образом Киртимукхи.

Все остальное, каким-то образом связанное с буддизмом в Согде, представлено мелкой пластикой.

В 2002 году при раскопках дворца Насра бин Сайра на городище Афрасиаб была найдена керамическая плакетка с изображением так называемой Киртимукхи. По сопроводительным находкам она датирована первой половиной VIII в. Находка достаточно редкая, если не сказать уникальная, и по своему оформлению, и по сохранности. Само изображение, выдвинутое из основания плакетки, сохранилось полностью. Оно было отгиснуто в

матрице, а затем прикреплено к глиняному основанию. Оттиск подтреугольной формы, которую повторяет бордюр из продавленных «перлов». Образ представлен в виде свирепой, клыкастой, львоподобной морды [9, с. 85].

Образ этот был заимствован из индийской иконографии и постепенно стал распространяться в Средней Азии, начиная с кушанского времени [13, с. 59]. По мнению исследователей, назначение образа – магическо-заклинательное. Что касается индийских параллелей, то Киртимукха (что означает «прославленный лик») здесь также выполняла охранные функции. Свирепая морда образа с древности и до сих пор постоянно находится над входом в храмы Шивы и другие индийские храмы, являясь замковым камнем, обязательной архитектурной деталью [10, с. 222].

В 1949 г. в Пенджикенте при раскопках могильника был найден прекрасно выполненный глиняный оссуарный налп Киртимукхи, датированный VIII в. [17, с. 125-126]. Впоследствии был обнаружен обломок оссуария с частью подобного налпа, и, что очень важно, был найден обломок самого штампа, правда, более раннего времени – V – начала VII в.

Следует отметить, что налпы Киртимукхи встречались не только на оссуариях, но и на сосудах, в том числе, и в Согде (городища Афрасиаб и Тали-Барзу) [Там же, с. 126-127].

Еще одна Киртимукха в виде налпа была найдена на объекте II. Находка налпа близ предвратного участка дала основание А. М. Беленицкому утверждать, что первоначально он находился над воротами. Отметим, что свирепый лик чудовища изображен и в росписях Пенджикента под аркой замка, то есть так же, как и в индийских храмах [6, с. 66].

В глазах согдийцев Киртимукха являла собой образ демона. Поскольку они так и не смогли выработать собственный иконографический образ демона, то воспользовались образом Киртимукхи. Следует обратить внимание, что демонические образы в росписях Калаи Кахкаха в Шахристане наделены некоторыми чертами Киртимукхи (клыки, страшное выражение), только в основе здесь лежит не львоподобная, а человекоподобная морда.

Во время раскопок совместной узбекско-французской экспедиции близ цитадели Афрасиаба была найдена костяная фигурка в виде кулака¹. К сожалению, она находилась вне слоя, поэтому датировка ее затруднена. Образ в виде сильно сжатого кулака – далеко не согдийский, но в буддийском искусстве достаточно хорошо известен вплоть до современности. Так, этот символ широко используется в народном театре *катхакали*, в котором большое значение придается жестам и мимике. Для кистей рук имеются двадцать четыре позиции, с помощью которых можно передать несколько сот явлений и понятий. Сжатый кулак занимает четвертую позицию и называется *мусти* [2, с. 100-103].

Отметим также, что три буддийские статуэтки были найдены в Южном Согде [16, с. 22-23].

Некоторые следы влияния буддизма прослеживаются в монументальной живописи, хотя, как единодушно отмечают исследователи, доарабская живопись, и согдийская особенно, имеет явно небуддийскую иконографию. В то же время разобраться в истоках среднеазиатской, и согдийской живописи в том числе, без привлечения художественного буддийского наследия мы не в состоянии [5, с. 189]. И действительно, некоторые сюжетные линии, а также отдельные ремарки, можно связать с буддизмом.

О некоторых параллелях в согдийской живописи мы уже упоминали выше. Следующий сюжет пенджикентских росписей, также неоднократно привлекавший внимание исследователей, – это божественная триада, запечатленная на южной стене помещения 26 объекта VI [Там же, с. 21]. Каких-либо параллелей с буддийской иконографией здесь также не просматривается, однако, по мнению некоторых исследователей, сама идея триады могла быть заимствована из буддийской иконографии, а затем трансформирована до такой степени, что истоки ее были позабыты, а сам образ превратился в местное божество.

Как видно из вышеприведенных примеров, подобные трансформации характерны и для других индийских (буддистских) заимствований в Согде.

Как справедливо отмечал Б. И. Маршак, индийские или греческие иконографические типы в Согде сохранялись крайне редко. Элементы же этих типов (богов) были просто «отличительными признаками небожителей, демонов, сказочных персонажей» [12, с. 238].

Следует отметить, что из Индии в Согд в это время проникали не только буддийские иконографические образы, но и образы фольклорные. В живописи Варахши встречаются изображения всадника на слоне в легкой одежде, с браслетами, ожерельями, диадемой. Не исключено, что это Адбага, восседающий на слоне [11, с. 107]. Да и само изображение слона пришло в Согд из Индии.

В соседней Уструшане на монетах встречается имя афшина Сатачари (что в переводе с санскритского означает «учитель», «наставник»). То же имя встречается в колофоне к согдийскому переводу санскритского сочинения среди родственников заказавшего его лица и, скорее всего, согдийцев-буддистов [20, с. 32-33].

Что касается изображения слона на монетах Сатачари, и не только на монетах, то это эмблема «индийского шиваитского слоноподобного бога, покровителя торговли, культ которого был распространен в Центральной Азии» [Там же, с. 32, 484, табл. XXXVI, 1427-1428].

Таковы немногие артефакты, которые можно в той или иной степени связать с буддизмом в Согде.

Таким образом, с распространением буддизма усиливается и культурный обмен между народами Средней Азии и Индии, который продолжается до сих пор. И не последнюю роль в этом обмене играли согдийцы, о чем свидетельствуют археологические и письменные источники.

¹ Находка хранится в Институте археологии АН Узбекистана.

Список литературы

1. Албаум Л. И. Буддийский храм в долине Санзара // Доклады АН УзССР. 1955. № 8.
2. Бабкина М. П., Потабенко С. И. Народный театр Индии. М., 1964.
3. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. I.
4. Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда: по материалам пенджикентских храмов. М., 1954.
5. Беленицкий А. М. К истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннее средневековье // Индия в древности. М., 1964.
6. Беленицкий А. М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента: опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
7. Бонгард-Левин Г. М., Карпюк С. Г. Сведения о буддизме в античной и раннехристианской литературе // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
8. Всеобщая история искусств // Искусство средних веков. М., 1961. Т. II. Кн. 2.
9. Грне Ф., Грицина А. А., Иваницкий И. Д. Раскопки дворца Насра бин Сайра // Археологические исследования в Узбекистане – 2002 год. Ташкент, 2003.
10. Короцкая А. Сокровища индийского искусства. М., 1966.
11. Маршак Б. И. Индийский компонент в культовой иконографии Согда // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: тезисы докладов. М., 1981.
12. Маршак Б. И. Искусство Согда // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
13. Маршак Б. И. Согдийское серебро: очерки по восточной торевтике. М., 1971.
14. Массон М. Е. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г. // Известия АН ТуркССР. 1963. № 3.
15. Мешкерис В. А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989.
16. Мкртычев Т. К. Об археологических памятниках буддизма в Согде // Культурное наследие народов Средней Азии. Ташкент, 1998.
17. Мончадская Е. А. Глиняный налеп с пенджикентского оссуария // Труды Академии наук Таджикской ССР. Душанбе, 1960 Т. СХХ.
18. Павчинская Л. В., Ростовцев О. М. Оссуарии из Сарытепа // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1988. Вып. 22.
19. Ртвеладзе Э. В. Проповедники буддизма из стран Трансоксианы в Китае // Общественные науки в Узбекистане. 1998. № 4-5.
20. Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.
21. Ставиский Б. Я. Средняя Азия, Индия, Рим (к вопросу о международных связях в кушанский период) // Индия в древности. М., 1963.
22. Тюляев С. И. Искусство Индии. III-е тысячелетие до н.э. – VII в. н.э. М., 1988.
23. Compareti M. Traces of Buddhism in Sogdiana // Sino-Platonic Papers. 2008. № 181.
24. Grenet F. Les Pratiques Funeraires dans l'Asie Centrale Sedentaire de la Conquete Grecque a l'islamisation. Paris, 1964.

УДК 372.881.1; 004

Педагогические науки

Статья раскрывает понятие и роль современных компьютерных технологий в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ). Использование компьютерных технологий преподавателем РКИ рассматривается автором как важнейшая часть системы подготовки высококвалифицированных специалистов, способных к поиску наилучших вариантов решения международных социально-экономических проблем. Описывается решение педагогических, методических, лингвистических, организационных и психологических проблем при использовании компьютерных технологий в обучении РКИ.

Ключевые слова и фразы: компьютерные технологии; русский язык как иностранный; иностранный специалист; современные формы обучения РКИ; слуховая и зрительная демонстрация.

Каменева Елена Владимировна

*Белгородский государственный институт искусств и культуры
kameneva.nauka@mail.ru*

**О РОЛИ СОВРЕМЕННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ[©]**

Стратегической задачей государственной политики в области подготовки иностранных специалистов в российских образовательных учреждениях является эффективное использование имеющихся и создание новых возможностей для подготовки в рамках российской системы образования высокопрофессиональных кадров для зарубежных стран с учетом приоритетов, потребностей и запросов как России, так и иностранных партнеров [3]. Данная концепция подчеркивает, что современная система обучения русскому языку как иностранному